

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

№ 15.
1 АВГУСТА
1911 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VI.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: СПб. Вознесенскій, 36, кв. 26. Телефонъ 497—55.

Безобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к. *Одобрено* для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Бьялевская О. А. „Капѣль“. Стихотворенія. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Кондурюшкинъ И. С. „Въ деревнѣ“. Разказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Купринъ А. И. „Слонъ“. Съ рисунками. Цѣна 25 к. (Все изданіе разошлось).

Кэрроллъ Льюисъ „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“. Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 руб. 25 коп.

Лондонъ Джекъ. „Буиъ“. Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.* *Допущено* въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.

Малахеева-Мировичъ В. Г. „Золотой домъ“. Сборникъ разказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи.*

Манаскина Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Манаскина Н. И. „На Рождествѣ“. Три разказа. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и *признана заслуживающей вниманія* при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манаскина Н. И. „Мамино дѣтство“. Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльными рисунками на мѣловой бумагѣ. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Поливановъ В. П. „Воронъ.—Индѣйцы“. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

1911 годъ.

Августъ № 15.

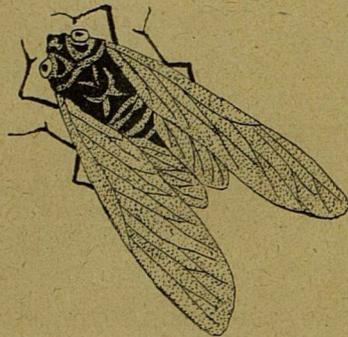
ЖУРНАЛЪ

ТРОПИНКА.

И-1782.

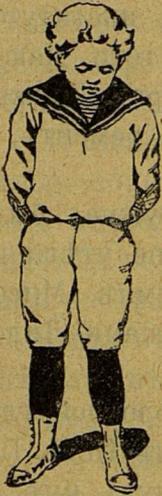
Содержаніе.

1. Мечты—стихотвореніе *Ризи-Тики*.
2. Голубая щука—разказъ *Ю. Насвътовой*.
3. Цербетекая принцесса (повѣсть изъ юности Екатерины II) *Н. Манасеиной*.
4. Пастушка—повѣсть *Маргариты Оду*. (Продолженіе).
5. Собираательницы оставшихся колосьевъ—картина *Миллэ*.
6. Грибы.—*В. Глущенко*.
7. „Ахъ, эти взрослые!“—смѣшная картинка.
8. Загадки.
9. Левъ, проглотившій негра—рисунокъ *Рабье*.
10. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 10-мъ и 11-мъ №№.

Мечты.

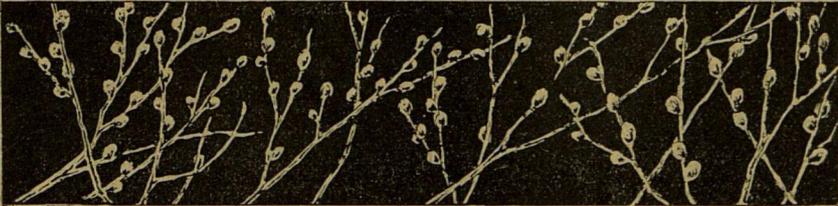
Ахъ,

Обижаютъ меня постоянно...
Убѣгу въ африканскія страны,
Гдѣ пахучіе зрѣютъ бананы,
Гдѣ катаютъ дѣтей на слонахъ.
Доберусь я до мыса Нордкапа,
Превращусь непременно въ арапа,
Заведу себѣ лукъ и верблюда
И уже не приѣду оттуда
И домой никогда не вернусь—
Пусть!

Ну, а какъ же я буду въ апрѣлѣ
Безъ базара на вербной недѣлѣ?
Жалко также и новыхъ коньковъ:
Тамъ, пожалуй, не будетъ катковъ...
Жалко маму, котенка и братца...
Нѣтъ, ужъ лучше остаться...

Рики-Тики.

Голубая щука.

ЭТО случилось въ годъ моего поступленія въ институтъ, 15-го августа, какъ разъ въ день именинъ тети Маши. Мама повезла брата Петю въ корпусъ въ Петербургъ. Должна была и я ѣхать съ ними, но въ институтѣ шелъ ремонтъ, и занятія были отложены до 15-го сентября.

Безъ Пети, съ которымъ я была очень дружна, было скучно и грустно. Мысли объ институтѣ тоже не утѣшали. Папа по цѣлымъ днямъ занятъ въ полѣ и на гумнѣ. Миссъ Гудъ, наша англичанка, и няня Олеся—съ малышами Лидой и Витей, которые прихворнули.

Жаркій полдень. Сидя на бревнѣ въ тѣни молочной, глубокомысленно обдумываю свое „первое“ письмо къ Петѣ. Подошелъ пастушонокъ Панасъ и таинственно шепнулъ мнѣ:

— А какую я, барышня, щуку около „Соловьинаго“ въ заливчикѣ видѣлъ! Перо голубое, такъ радугой и переливается, а сама—аршина два вѣрныхъ. Провались я сейчасъ на этомъ мѣстѣ, коли это не „голубая щука“, которую панычъ Петя все поджидалъ. Да смѣлая какая! Я на самомъ берегу раза три кнутомъ ахнулъ, а она и съ мѣста не тронулась, хвостомъ не шевельнула.

— Да что ты, Панасъ? Неужели правда? Чего же это ты на „Соловьиномъ“ очутился?—не совсѣмъ довѣрчиво спросила я.

— Ей же ей, правда! Корова съ берега на островъ ушла, такъ я за нею ходилъ.

— Въ бродъ?

— Въ бродъ. Тамъ, вѣдь, не глубоко: всего до подбородка. Ну, и щука! Кабы у меня было чѣмъ поймать, я бы ее

безпремѣнно ужъ какъ-нибудь изловчился бы и поймалъ, да нечѣмъ. Удочки мои никакъ не годятся на такую работу, и думать нечего. Ну, ужъ и шука, охъ, ужъ и шука!—съ восторгомъ повторялъ Панасъ.—Надо дядюшкѣ Филиппу сказать, пусть попробуютъ—поймаютъ. Эхъ, да и досада жъ, что паныча Пети нѣтъ!

И Панасъ огорченно вздохнулъ. Но у меня уже мелькнула мысль попробовать самой поймать „голубую шуку“ и въ длинномъ письмѣ къ Петѣ описать, какъ я ее поймала. Вотъ то было бы великолѣпно! И какое вышло бы интересное письмо, какъ оно развлекло бы бѣднаго Петю!

Онъ, вѣдь, бѣдняжка, будетъ страшно скучать, особенно вначалѣ, въ своемъ противномъ корпусѣ по нашему родному „Уютному“.

— Панасъ, Панасъ!—торопливо окликнула я пастушонка,— подожди, не говори никому... не говори ничего пока Филиппу про „голубую шуку“. Слышишь? Я тебѣ потомъ скажу, почему.

— Ладно, не скажу, — отозвался Панасъ, немного изумленный моей торопливостью.

— Смотри же, слышишь?—еще разъ настойчиво повторила я.

— Да, чую! Уже жъ говорю, что не скажу,—обидчиво отвѣтилъ Панасъ и отправился въ людскую обѣдать, а я, усѣвшись на бревно, принялась обдумывать планъ дѣйствій.

Прежде всего нужно было исчезнуть изъ дома такъ, чтобы никто не замѣтилъ. Это было удобно теперь, когда мама уѣхала, а миссъ Гудъ и няня Олеся заняты въ дѣтской. Но исчезнуть приходилось на неопредѣленное время и благоразумнѣй было предупредить миссъ Гудъ и няню Олесю. Именины тети Маши пришлось какъ разъ кстати.

„Скажу, что пойду поздравить тетю и останусь у нея до приѣзда папы“,—рѣшила я. „Папа приѣдетъ съ поля поздно, и я къ тому времени успѣю вернуться.“

Садъ тети начинался въ полуверстѣ отъ нашего.

Получивъ разрѣшеніе, я помчалась въ классную. Вытащить изъ „Петинаго угла“ его ящикъ съ принадлежностями для уженья и выбрать самое длинное удилице и самую толстую, длинную лесу было дѣломъ двухъ минутъ. О томъ, какъ попасть на островъ, я не беспокоилась. Кромѣ двухъ большихъ лодокъ и маленькой, легенькой лодочки садовника Филиппа, съ которой свободно управлялась я одна, мы съ Петей часто употребляли для нашихъ переправъ на ближніе островки большой чанъ. Въ немъ прачки стирали бѣлье. Чанъ этотъ, широкій и неглубокій, плавалъ всегда около берега прачешной. Конечно, плавать въ немъ можно было только въ совершенно тихую погоду, по мелкимъ мѣстамъ, такъ какъ для передвиженія мы упирались въ дно толстой палкой.

Приходилось сидѣть по срединѣ чана, смирнехонько, на колѣняхъ, и стоило только потерять равновѣсіе или палкѣ—сломаться,—холодная ванна была неизбѣжна. Впрочемъ, мы съ Петей еще ни разу за всѣ наши путешествія не потерпѣли кораблекрушенія. Узенькій мелкій проливчикъ отдѣлялъ „Соловьиный островъ“ отъ конца парка. Островъ былъ небольшой, низкій и песчанистый, но съ глубокими и тихими заливчиками со стороны рѣки. Вода въ этихъ заливчикахъ была такъ чиста и прозрачна, что въ ясные солнечные дни было видно не только дно, но всѣ камешки и ракушки. Сюда заходила стаями рыба грѣться на солнцѣ. Здѣсь же по временамъ появлялась и „голубая щука“, о которой даже сложилась легенда. Говорили, что это именно та щука, которую поднесли прабабушкѣ богатые рыбные торговцы, снимавшіе

рыбныя ловли въ „Уютномъ“, ко дню ея серебряной свадьбы. Щука была рѣдкой величины. Ее выпустили на волю, но сначала, по приказанію прадѣдушки, продѣли ей сквозь жабры серебряное кольцо, на которомъ были выбиты годъ и число серебряной свадьбы прабабушки.

Съ тѣхъ поръ „голубая щука“ зажила въ Деснѣ.

Возлѣ „Соловьинаго острова“ видали ее часто. Но та ли она? На большой глубинѣ, несмотря на всю чистоту и прозрачность воды, кольца въ жабрахъ разглядѣть было невозможно. Поймать ее сдѣлалось завѣтной мечтой Пети.

— Мнѣ такъ хочется взглянуть на прадѣдушкино кольцо! — говорилъ онъ мнѣ съ огорченіемъ послѣ каждой неудачной ловли. Ну, не великолѣпно ли было бы, послѣ всего этого, поймать „голубую щуку“ и въ длинномъ письмѣ написать объ этомъ Петѣ?

Погода была жаркая, какъ въ іюлѣ. Ни одинъ листокъ не колыхался въ паркѣ, когда я торопливо пробиралась къ прачешной. Я уже рѣшила, что поѣду въ чанѣ. Лодокъ скорѣй могли хватиться.

На берегу возлѣ прачешной не оказалось ни души.

„Черезъ десять минутъ буду на „Соловьинѣ“. Только бы щука не вздумала уйти, а ужъ поймать то я ее поймаю,“ рѣшила я.

Я уже миновала половину проливчика, когда, обернувшись, замѣтила, что удочки положены неудачно, и могутъ легко упасть черезъ край.

Стоя на колѣняхъ, я хотѣла ногой поправить ихъ, сдѣлала невѣрное движеніе—и въ ту же минуту палка-руль, скользя по гладкому дну, вырвалась у меня изъ рукъ и упала въ воду. Чанъ, качаясь и тихо кружась, поплылъ по теченію.

Я совсѣмъ растерялась. Положеніе, дѣйствительно, было ужасное. Малѣйшее неосторожное движеніе, при попыткѣ поймать руль, повело бы къ катастрофѣ.

Да и на что мнѣ теперь палка-руль, когда чанъ плылъ уже по глубокому мѣсту, направляясь къ серединѣ рѣки. Приходилось сидѣть неподвижно на колѣняхъ посреди чана и ждать, что будетъ дальше.

„Соловьиный островъ“ давно скрылся изъ глазъ, промелькнулъ „Лисій“ и еще нѣсколько мелкихъ безыменныхъ островковъ, а чанъ все продолжалъ подвигаться впередъ, и этому, казалось, не будетъ конца-края. Къ довершенію бѣды на горизонтѣ появилось облачко, и началъ дуть все сильнѣе и сильнѣе вѣтерокъ. Къ счастью еще, вѣтерокъ былъ попутный и только прибавилъ ходу моему чану.

Облачко росло, увеличивалось, и вдругъ ливнулъ дождь, да такой крупный и частый, что все вокругъ меня сразу покрылось густой сѣткой, а по водѣ весело запрыгали пузыри, переливаясь въ лучахъ, продолжавшаго сіять, солнца. Въ ту же минуту сильнымъ порывомъ вѣтра рвануло и понесло мой челнъ куда-то въ сторону. Не успѣла я опомниться, какъ онъ ткнулся во что-то и круто остановился, а я вылетѣла изъ него и очутилась на песчаной отмели, покрытой водой. Кое-какъ, вся мокрая, по колѣна въ водѣ, съ трудомъ выбралась я на берегъ большого, совершенно незнакомаго мнѣ острова, покрытаго густымъ березовымъ лѣсомъ. Облегченный же чанъ мой словно ждалъ этого: тотчасъ сдвинулся съ мели и, ныряя по волнамъ, какъ будто насмѣшливо кивая мнѣ, быстро поплылъ дальше по теченію.

Это уже было серьезное приключеніе, настоящее, „всамомдѣлишное“ приключеніе, одно изъ тѣхъ, о которыхъ мы такъ любили читать и мечтать съ Петей. Но читать о нихъ въ

книжкѣ Майнъ-Рида, Эмара или Жюля-Верна, сидя съ ногами на мягкомъ турецкомъ диванѣ въ столовой—это одно, а переживать „настоящее“ приключеніе въ жизни—совсѣмъ другое. По крайней мѣрѣ, стоя тогда вся мокрая, безпомощная и одинокая на берегу незнакомаго острова и со слезами слѣдя за своимъ удаляющимся кораблемъ,—я невольно это подумала. Вѣдь, нельзя было себѣ представить, когда и какимъ образомъ узнаютъ о моемъ пребываніи именно на этомъ островѣ.

Мнѣ казалось, что я плыла долго, и теченіемъ занесло меня очень далеко. Мысль, что мнѣ придется провести, пожалуй, нѣсколько дней на островѣ и, во всякомъ случаѣ, ночевать сегодня,—приводила меня въ отчаяніе.

А, вѣдь, еще на дняхъ мы, перечитывая съ Петей Робинзона, такъ мечтали о жизни на необитаемомъ островѣ!

— Напишу все Петѣ, если только вернусь и не умру,— съ горечью думала я, сидя въ одной рубашенкѣ на берегу и поджидая, чтобы солнышко высушило мое платье, которое я разложила на пескѣ.

Вѣтерокъ совершенно стихъ. Противуположнаго берега не было видно, не виднѣлось и ни одной рыбацѣй лодки на рѣкѣ. Два раза мнѣ показалось, что я слышу отдаленный колокольный звонъ. Но, когда я обрадованная вскочила и стала напряженно прислушиваться, звонъ не повторился.

Между тѣмъ солнце стало замѣтно ниже. Я торопливо надѣла свое просохшее платье и рѣшила сейчасъ же, пока свѣтло, обойти кругомъ островъ, чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно островъ, и подыскать мѣсто для ночлега. Обсудивъ хорошенько, я поняла, что помощи, сегодня по крайней мѣрѣ, ждать неоткуда, и придется волей-неволей провести ночь на островѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, откуда могла явиться помощь? Дома

всѣ были увѣрены, что я у тети Маши на именинахъ. Папа, вернувшись поздно, могъ и совсѣмъ не поѣхать къ ней. Меня хватятся не ранѣе завтрашняго дня.

Медленно и осторожно шла я, держась берега, какъ настоящій Робинзонъ, осматриваясь кругомъ и сжимая въ рукахъ выломанную небольшую палку.

Вдругъ я должна была остановиться: широкій и глубокий заливъ преградилъ мнѣ дорогу. Чтобы его обойти, нужно было углубиться въ лѣсъ, а этого я боялась, хотя на пути моемъ мнѣ еще не попалось ни одного слѣда, ни звѣринаго, ни человѣческаго. Я влѣзла на небольшой пригорокъ, на которомъ одиноко росла кривая старая береза. Толстыя вѣтви ея почти касались земли.

„Влѣзу на нее повыше, это нетрудно, и просижу ночь. Спать, конечно, не буду, гдѣ ужъ тутъ спать? Но, по крайней мѣрѣ, такъ будетъ безопаснѣй“, — рѣшила я. Лазать по деревьямъ я умѣла, какъ бѣлка, нисколько не уступая въ этомъ брату Петѣ.

Солнце уже потонуло въ рѣкѣ, когда я влѣзла на свою березу. Аршинахъ въ трехъ отъ земли два толстыхъ сука, перекинувшись другъ черезъ друга, образовали около самага ствола довольно удобное сидѣнье. Я усѣлась и, прислонившись къ стволу, не безъ страха стала ожидать ночи.

Ночь спустилась быстро, тихая, теплая, безлунная.

Темнота нравилось мнѣ, такъ какъ дѣлала меня еще менѣе замѣтной, но сидѣть на березѣ оказалось не такъ удобно, и я долго возилась, пока усѣлась. Скоро мнѣ захотѣлось ѣсть. Глотая слюнки, я съ грустью вспоминала о горячемъ вареномъ рассыпчатомъ картофелѣ со свѣжимъ масломъ и вкусномъ варенцѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Цербетская принцесса.

Х.

ПРАЗДНИКЪ удался.

Комнаты замка уставили гiацинтами и нарциссами. Иоганна-Елизавета любила цвѣты, и садовникъ постарался угодить новой хозяйкѣ. Каждый вечеръ въ замкѣ зажигали ёлку. Всѣ въ Цербстѣ теперь могли вдоволь насмотрѣться на своихъ принцевъ и принцессъ. Семья Христиана-Августа вызывала умиленіе и восторги. Иоганна-Елизавета, какъ всегда, восхищала всѣхъ своей красотой. Фрицу, какъ наслѣдному принцу, охотно прощали всѣ недочеты. Цербстѣ былъ счастливъ уже тѣмъ, что этотъ принцъ, единственная надежда на прославленіе ангальтъ-цербетскаго дома, живетъ на свѣтѣ. Но больше всего говорили о принцессѣ Софіи-Августѣ-Фредериккѣ. Ее находили обворожительной. Она заставляла танцовать и пѣть собиравшихся на ёлку дѣтей. Съ самыми робкими и неуклюжими танцевала сама. Каждой матери и бабушкѣ сказала что-нибудь ласковое и очень лестное о приведенныхъ ими малышахъ. И дѣти и взрослые чувствовали себя уютно и свободно, а когда пришло время раздавать подарки, въ залѣ замка уже не было ни одной пары испуганныхъ, недоумѣвающихъ глазъ. Точно птичья стая, налетѣли дѣти къ столу съ подарками. Бабетъ и Фикке съ большимъ трудомъ уставили ихъ въ пары и подводили по очереди къ столу, за которымъ сидѣли Иоганна-Елизавета и принцесса Августа. Вдовствующая принцесса, по случаю траура, изъ своей комнаты не вышла. Принцессы своими руками раздавали игрушки, теплыя вещи и лакомства.

— Знаешь, Фикке, я почти рада, что праздники кончаются. Вся эта непривычная суета утомила меня, да и ты, навѣрное, тоже устала,—говорила Бабетъ.

— Ахъ нѣтъ, я совсѣмъ не устала,—отвѣтила Фикке.— Напротивъ, въ первый разъ въ Цербстѣ у меня такое чувство, что я живу, а не сплю. Мнѣ нужно дѣло, много дѣла, Бабетъ. Придумывать, устраивать, о чемъ-нибудь хлопотать,— это именно по мнѣ.

Фикке сказала это съ большимъ воодушевленіемъ. Все время праздниковъ у нея было совсѣмъ особенное, радостно-возбужденное настроеніе. Праздничные огни, толпа, благодарность дѣтей и взрослыхъ—все это радовало и волновало ее. А, кромѣ того, ей удалось все, что она задумала и она чувствовала, что всѣ ее хвалятъ, всѣ ею восхищаются. Это пробуждало все самое сильное и прекрасное, что только было въ ея душѣ.

— Я боюсь будней, Бабетъ,—продолжала она.— Боюсь сонной тишины Цербста. О, еслибы я была Сидомъ, я бы достала, что мнѣ нужно.

А наканунѣ Новаго Года она пришла въ комнату Кардель взволнованная и сказала:

— Сама не знаю, что со мной, но отъ Новаго Года я жду чего-то особеннаго.

На утро, собираясь въ церковь, она причесалась и одѣлась особенно тщательно и, вѣроятно, потому имѣла болѣе, чѣмъ всегда, нарядный видъ въ своемъ праздничномъ, но очень скромномъ бѣломъ платьѣ. И когда она вошла вмѣстѣ со всей семьей въ красную ложу и увидѣла передъ собою всю бѣлую церковь и услышала торжественные звуки органа, ожиданіе необычайнаго еще усилилось въ ней.

Кончилась служба. Всѣ направились въ столовую, гдѣ

уже ждалъ празднично накрытый столъ. За столомъ засидѣлись дольше обыкновеннаго. Новый годъ всегда вызываетъ надежды на будущее. Всѣ весело разговаривали, шутили, смѣялись. А когда собрались, наконецъ, вставать, вошелъ слуга и подалъ Христіану-Августу большой запечатанный пакетъ съ письмами.

— Прислано эстафетой изъ Берлина для вашего высочества,—сказалъ онъ.

— Письма? Это очень интересно!—оживилась Юганна-Елизавета.—Вѣроятно, поздравленія. Посмотримъ,—кто-то насъ вспомнилъ. Есть что-нибудь для меня, Христіанъ?

Принцъ разорвалъ пакетъ и, выбравъ изъ него все, что было на имя жены, передалъ письма сидѣвшей съ нимъ рядомъ Юганнѣ-Елизаветѣ.

— Вотъ и отъ Брюмера,—сказала она и послѣшно разорвала конвертъ.

Фикке сидѣла рядомъ съ матерью. При словахъ „отъ Брюмера“ она выпрямилась и насторожилась, точно дрогнули и натянулись въ ней таинственныя нити, съ ранняго дѣтства связавшія ее съ Россіей.

„Какъ интересно! Господи, какъ интересно!“ Фикке замирала отъ волненія и не спускала глазъ съ пробѣгавшей письмо матери. „Скорѣй бы читала! Вотъ, дочитала, расскажетъ, что пишутъ. Ахъ, да что же это? Что же тамъ написано?“ У матери такое лицо, точно она не вѣритъ глазамъ. Перечитываетъ... И вдругъ Юганна-Елизавета радостно вскрикнула и откинулась на спинку стула. Сіяющими глазами смотрѣла она передъ собой, но глаза эти точно ослѣпли отъ сильнаго свѣта и ничего не видѣли.

— Что съ тобой, Юганна?—тревожно спросилъ ее Христіанъ-Августъ.

— Ничего, ничего. Расскажу потомъ,—торопливо и задыхающимся голосомъ отвѣтила ему жена. И шопотомъ, наклонившись совсѣмъ близко къ нему, прибавила:

— Предсказаніе Менгдена исполняется.

Юганна-Елизавета давно рассказала мужу о трехъ коронахъ, но онъ принялъ рассказъ за шутку и тогда же забылъ и короны и Менгдена. Изъ того, что прошептала ему Юганна-Елизавета, онъ ровно ничего не понялъ. Другіе за столомъ не могли ничего слышать. Только Фикке, въ своемъ возбужденіи, обостреннымъ слухомъ и пониманіемъ сразу схватила слова матери. И въ письмо заглянула. Сама не помнила, какъ это вышло, но заглянула и совсѣмъ ясно прочла фразу: „Императрица приглашаетъ Ваше Высочество въ сопровожденіи вашей старшей дочери пріѣхать въ Россію“. Черезъ минуту ни письма, ни самой Юганны-Елизаветы уже не было въ столовой. Она поторопилась уйти къ себѣ, чтобы на свободѣ разобрать письмо. За нею ушелъ и Христіанъ-Августъ.

Оставшіеся за столомъ переглядывались въ полномъ недоумѣніи. Лица у всѣхъ были растерянные, обиженные. Фикке поблѣднѣла. Сидѣла, опустивъ глаза, и всѣми силами старалась скрыть свое волненіе. А въ головѣ у нея кружились горячія, тревожно-радостныя мысли. „Письмо изъ Россіи... императрица, сама императрица зоветъ маму и меня съ нею, меня... зачѣмъ? для чего? Для чего-нибудь очень важнаго: слишкомъ мама взволновалась и обрадовалась... „предсказаніе Менгдена исполняется“ сказала она папѣ. — Значить, мнѣ корона! Петръ-Ульрихъ наслѣдникъ императрицы, будущій императоръ... и я, я, можетъ быть, будущая...“ она не рѣшалась даже мысленно назвать себя этимъ словомъ.

„Все это мнѣ кажется, все это сонъ. Я проснусь и буду

разсказывать: —Бабеть, какой странный сонъ приснился мнѣ сегодня... въ день новаго года...—Новый годъ, новое счастье... огромное неслыханное счастье, какъ въ сказкѣ: маленькая Цербстская принцесса становится будущей русской...“ и, закрывъ на мгновение глаза и едва шевеля губами, она беззвучно докончила: „им-пе-ра-три-цей“.

И когда снова открыла глаза и повела ими на всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ, то показалось ей, что прошли не минуты, а годы и за эти годы она выросла, стала взрослой дѣвушкой, вступившей въ новую, таинственную жизнь. И она сразу почувствовала, что сумѣетъ вести себя, какъ взрослая.

А за столомъ всѣ молчали. Принцесса Августа, наконецъ, не выдержала и слова ея сухо и рѣзко разбили тишину, точно сѣмечки, съ трескомъ высыпавшіяся изъ сухого стручка акаціи:

— Не понимаю этихъ секретовъ!—произнесла она съ нескрываемымъ раздраженіемъ.

— Могли бы хоть вамъ что-нибудь объяснить, Іоганнъ,—обратившись къ принцу Іоганну-Людвигу, тотчасъ же поддержала ее вдовствующаи принцесса.

Но Іоганнъ-Людвигъ не успѣлъ еще ничего отвѣтить, какъ явился слуга:

— Ихъ высочества просятъ ваше высочество пожаловать къ нимъ.

Принцъ сейчасъ же ушелъ изъ столовой, а женщинамъ ничего больше не оставалось, какъ разойтись по комнатамъ.

Столовая опустѣла.

— Что это за письмо? Ты какъ думаешь, о чемъ это оно, Фикке?—спросила Бабеть.

— Не знаю, — отвѣтила Фикке, не поднимая глазъ, и этими словами, точно стѣной, отдѣлила себя отъ дальнѣй-

шихъ разспросовъ и разговоровъ. У нея это такъ вышло, что Бабеть сразу замолчала.

Бабеть сидѣла у себѣ въ комнатѣ и читала. Фикке тоже сѣла за книгу. Бабеть въ раскрытую дверь видѣла ея склоненную надъ столómъ голову. Но Фигхенъ только дѣлала видъ, что читаетъ. Такъ ей никто не мѣшалъ думать, о чемъ она хотѣла.

Вдругъ въ комнату влетѣла Кайнъ:

— Боже, мой! Боже, мой! Новая эстафета изъ Берлина, — выкрикнула она, но здѣсь голосъ ей измѣнилъ, и кончила она, почти задыхаясь:

— Говорятъ, ужъ это отъ самого короля.

На ея крикъ вбѣжала Бабеть. Всплеснула руками:

— Что же, наконецъ, все это значить?

— Какая-нибудь новая милость нашему дому, — сказала Кайнъ и убѣжала разносить дальше потрясающее извѣстіе объ эстафетѣ отъ самого короля.

— Не сомнѣваюсь, что это имѣетъ отношеніе къ загадочному письму изъ Петербурга, — сказала Бабеть. — Просто не знаешь, что и думать и чего ждать.

Еще разъ съ вопросомъ и ожиданіемъ взглянула она на Фикке и снова увидѣла лицо, вдругъ почему-то ставшее для нея и чужимъ и непонятнымъ.

Такъ и разошлись онѣ опять по своимъ комнатамъ. Дѣлала видъ, что читаютъ. А по коридору кто-то бѣжалъ, кто-то кому-то говорилъ и про короля и про эстафету, гдѣ-то гулко хлопали двери. Чувствовалось, что взволнованъ весь домъ.

Бабеть, наконецъ, не выдержала. Заглянула въ нерѣшимости еще разъ къ Фикке и потихоньку ушла изъ своей комнаты. Сидѣть и молчать она больше не могла.

Обѣдъ въ этотъ день вышелъ пренепріятный. Оба принца и Іоганна-Елизавета сидѣли съ таинственными, взволнованными лицами. Остальные—съ обиженными. Фикке не знала, на кого ей смотрѣть и потому старалась не поднимать глазъ. Передъ самымъ обѣдомъ Бабетъ ей шепнула, что, по слухамъ, принцесса перессорилась съ принцами. Они—за одно, а она—совсѣмъ за другое.

За обѣдомъ, кромѣ Фрица, почти никто ничего не ѣлъ. Одинъ Фрицъ былъ, какъ всегда. Пользуясь общимъ разстройствомъ, онъ съѣлъ тройную порцію пирожнаго и обѣдъ, такой тяжелый для всѣхъ, произвелъ на него самое пріятное впечатлѣніе.

Вечеромъ было опять совѣщаніе въ кабинетѣ у Христіана-Августа. Когда Фикке вошла туда, чтобы, по обыкновенію, передъ сномъ пожелать старшимъ покойной ночи, всѣ сразу замолчали.

Она подошла къ отцу. Онъ обнялъ ее особенно нѣжно, прижалъ къ себѣ и сказалъ:

— Вы только посмотрите на нее: она еще совсѣмъ дѣвочка.

При этомъ и лицо и голосъ у него были такіе, точно онъ о чемъ-то кого-то просилъ.

— Мнѣ было, какъ разъ, столько же лѣтъ, сколько Фигхень, когда ты ко мнѣ посватался, Христіанъ,—замѣтила ему Іоганна-Елизавета, точно этими словами стараясь въ чемъ-то его убѣдить.

И, когда отецъ съ особенной нѣжностью поцѣловалъ въ щеку Фикке, она уже знала все, что ей было нужно знать. Своимъ видомъ и немногими, даже не къ ней обращенными словами, они подтвердили всѣ ея догадки. Она не сомнѣвалась, что императрица зоветъ ее, чтобы выдать замужъ за

Петра-Ульриха, и что мать этого хочетъ, а отецъ и дядя не соглашаются, находятъ, что она слишкомъ еще молода.

Въ эту ночь Фикке не спала до самаго разсвѣта. Все думала, что дѣлать, чтобы убѣдить родителей не мѣшать ей. Императрица звала ее, чтобы обвинчатъ съ наслѣдникомъ престола. Исполнилось чудесное предсказаніе Менгдена. Вѣчнымъ блестящимъ праздникомъ казалось Фикке то, что ждало ее въ далекой Россіи. Неужели отказъ станетъ на пути къ ея счастью? Неужели она такъ и останется въ Цербстѣ? Остаться послѣ того, какъ ее позвали быть императрицей самой большой, самой могущественной страны? И кто позвалъ? Позвала царевна. Развѣ можно не итти на ея зовъ! И Петра-Ульриха она рада видѣть. Не чужой онъ ей. Тогда въ Эйтинѣ ей хорошо съ нимъ было.

Утромъ Фикке уже встала съ готовымъ рѣшеніемъ. Бабетъ, какъ всегда, зашла помочь ей причесаться и одѣться, и Фикке въ это утро показалась ей даже спокойнѣе, чѣмъ наканунѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пастушка.

ХП.

ЧЕРЕЗЪ нѣсколько дней послѣ этого, когда стадо возвращалось съ поля, одинъ баранъ, который шелъ вдоль изгороди, вдругъ сдѣлалъ страшный прыжокъ. Подойдя, я увидѣла, что у него шла кровь изъ носа. Я подумала, что онъ накололся на большую колючку и, обмывъ ему носъ, не думала больше объ этомъ. Но на другое утро я пришла въ ужасъ, когда увидала, что голова у него сдѣлалась почти

такая же большая, какъ и остальное тѣло. На мой крикъ прибѣжала Мартина, а на ея крикъ сбѣжались всѣ.

Я рассказала, что случилось наканунѣ, и фермеръ сталъ увѣрять, что барана укусила змѣя.

Надо было дѣлать ему промыванья и держать въ стойлѣ, пока не опадетъ опухоль.

Я охотно взялась ухаживать за несчастнымъ животнымъ, но, когда осталась съ нимъ вдвоемъ, на меня напалъ ужасъ. Эта огромная голова, качавшаяся на маленькомъ тѣлѣ, навела на меня безумный страхъ. Неестественно расширенные глаза, огромный растянутый ротъ и неподвижно поднятыя уши—все это вмѣстѣ составляло какое-то трудно вообразимое чудовище.

Баранъ держался посреди стойла, какъ бы боясь толкнуться нечаянно о стѣну. Я пробовала подходить къ нему, увѣряя себя, что, вѣдь, это самый обыкновенный баранъ. Но стоило ему повернуться ко мнѣ, какъ я стрѣлой летѣла къ двери.

При этомъ я чувствовала къ нему глубокую жалость. Минутами мнѣ казалось, что эта, раскачивавшаяся вправо и влево, морда упрекала меня. Тогда въ головѣ у меня что-то перевертывалось, и я чувствовала, что схожу съ ума. Я поняла, что способна оставить его умереть съ голода.

Я все это рассказала скотнику, который охотно взялся ухаживать за бараномъ, пока не пройдетъ опухоль. Онъ смѣялся надо мной: не понималъ, какъ можно было бояться больного барана.

Скоро у меня явилась возможность заплатить ему услугой за услугу, чему я была очень рада.

Разъ утромъ, отвязывая быка, онъ оступился и упалъ прямо передъ нимъ. Быкъ обнюхалъ его, фыркая и пыхтя.

Это былъ еще молодой бычекъ, воспитанный на фермѣ, но начинавшій дурить. Скотникъ боялся, что онъ взбѣсится и вспомнить, что видѣлъ его лежащимъ на землѣ передъ собою. Тогда съ быкомъ были бы плохія шутки. Я очень хотѣла успокоить скотника, но не знала, что ему сказать. Кромѣ того, я была удивлена, увидавъ, что онъ такой старый: онъ уронилъ шапку на землю, и я въ первый разъ замѣтила, что волосы у него совсѣмъ сѣдые.

Я весь день думала о немъ и на другое утро, когда коровы стали выходить одна за другой изъ коровника, я не удержалась и вошла туда. Скотникъ пристально смотрѣлъ на быка, который нетерпѣливо дергалъ цѣпь. Я подошла и, приласкавъ быка, отвязала его.

Скотникъ пропустилъ мимо себя быка, который выско-чилъ, какъ бѣшеный, и, поглядѣвъ на меня съ удивленіемъ, пошелъ за нимъ, прихрамывая.

Я гораздо меньше боялась быка, чѣмъ распухшаго барана, и каждый день приходила въ коровникъ, стараясь, чтобы никто этого не видѣлъ. Однако Евгеній увидалъ, отвелъ меня въ сторону и, заглядывая своими маленькими глазами глубоко мнѣ въ глаза, спросилъ:

— Зачѣмъ ты отвязываешь быка?

Я боялась, что скотнику достанется, если я скажу правду. Я старалась придумать, что бы сказать, но ничего не находила. Начала, было, говорить, что не отвязывала. Тогда Евгеній сдѣлалъ насмѣшливое лицо и произнесъ:

— Ужъ не стала ли ты лгуньей ненарокомъ?

Сейчасъ же я ему все рассказала, и въ слѣдующую субботу быка продали.

ХІІІ.

Я часто замѣчала, какъ добръ былъ со всѣми Евгений. Какъ только у фермера выходили непріятности съ рабочими, онъ призывалъ своего брата и тотъ нѣсколькими словами все улаживалъ. Онъ исполнялъ тѣ же работы, что и хозяинъ Сильвэнъ, но отказывался ѣздить на базаръ: говорилъ, что не сумѣлъ бы продать одной головки сыра. Ходилъ онъ степенно, покачиваясь, какъ будто соразмѣряя свою походку съ поступью своихъ быковъ. Почти всѣ воскресенья онъ проводилъ въ деревнѣ. Когда погода была слишкомъ плохая, сидѣлъ въ большой комнатѣ и читалъ. Часто я подкарауливала его, въ надеждѣ, что онъ забудетъ книгу, но онъ никогда не забывалъ ея. Я сокрушалась, что ничего не могла найти, чтобы почитать. Подбирала всѣ завалявшіяся печатныя бумажонки. Фермерша, наконецъ, это замѣтила и говорила, что я сдѣлаюсь скрягой.

Однажды, въ воскресенье, я рѣшилась попросить Евгенія дать мнѣ какую-нибудь книгу; онъ подарилъ мнѣ толстую тетрадь съ пѣснями.

Въ теченіе всего лѣта я уносила ее въ поля. Я сочиняла напѣвы для пѣсенъ, которыя мнѣ больше всего нравились. Потомъ мнѣ это надоѣло и, помогая фермершѣ въ домашней чисткѣ передъ днемъ Всѣхъ Святыхъ, я отыскала календари за нѣсколько лѣтъ. Полина велѣла мнѣ отнести ихъ на чердакъ, но я сдѣлала видъ, что забыла ихъ въ шкафу, а потомъ тайкомъ перетаскала ихъ по одной книжкѣ къ себѣ. Календари эти были полны забавныхъ исторій, и зима прошла такъ быстро, что я не замѣтила холода.

Когда я, наконецъ, стащила ихъ на чердакъ, я стала искать, нѣтъ ли тамъ еще чего-нибудь. Нашла только одну

маленькую книжку безъ переплета съ закрученными уголками листевъ, какъ будто ее долго носили въ карманъ. Двухъ первыхъ страницъ не хватало, а третья была такъ замазана, что буквъ нельзя было разобрать. Я подошла къ слуховому окну, чтобы разсмотрѣть получше, и на заголовкѣ страницъ прочла: „Приключенія Телемака“.

Я раскрыла книгу наугадъ и нѣсколько строкъ, прочтенныхъ мною, такъ меня заинтересовали, что я тотчасъ же сунула ее въ карманъ. Когда я уже собралась спуститься съ чердака, мнѣ пришло въ голову, что это Евгенийъ положилъ туда эту книгу и что онъ могъ каждую минуту притти за нею. Тогда я положила ее обратно на черную балку, съ которой взяла. Каждый разъ, какъ мнѣ представлялся случай итти на чердакъ, я убѣждалась, что книжка лежитъ на прежнемъ мѣстѣ и прочитывала изъ нея сколько могла.

XIV.

Въ это время заболѣлъ у меня еще одинъ баранъ. Бока у него ввалились, какъ будто онъ давно не ѣлъ. Я рѣшила спросить у фермерши, какъ его лечить. Она щипала курицу и прекратила свое занятіе, чтобы спросить меня, очень ли баранъ раздался.

Я никакъ не могла понять слова „раздался“ и рѣшила, что всѣ больные бараны бываютъ такіе. Поэтому я отвѣтила: да. И, чтобы еще болѣе подтвердить свои слова, прибавила: — Онъ сталъ совсѣмъ тощимъ.

Фермерша стала смѣяться надо мною и сказала Евгению, посвистывавшему невдалекѣ:

— Пойди-ка, послушай, Евгенийъ. У нея есть баранъ, который и раздался и отощаль сразу.

Евгеній тоже засмѣялся. Онъ назвалъ меня „случайной пастушкой“ и объяснилъ, что про барановъ говорятъ, что они раздались, когда у нихъ распухаетъ животъ.

Черезъ два дня послѣ этого Полина объявила мнѣ, что она и хозяинъ Сильвэнъ видятъ, что изъ меня никогда не выйдетъ хорошей пастушки и рѣшили держать меня дома. Старая Бибишъ никуда уже не годилась, какъ работница, а Полина не могла всего дѣлать сама, съ тѣхъ поръ, какъ у нея явился ребенокъ.

Съ первыхъ же словъ я поняла, что теперь мнѣ будетъ легко часто ходить на чердакъ и горячо поблагодарила фермершу.

XV.

Теперь, когда я сдѣлалась служанкой на фермѣ, мнѣ приходилось убивать куръ и кроликовъ. Я не могла на это рѣшиться, а фермерша не понимала, почему мнѣ это такъ неприятно. Она говорила, что я совсѣмъ, какъ Евгеній, который убѣгаетъ, когда рѣжутъ свинью.

Я рѣшила, однако, зарѣзать цыпленка, чтобы доказать свое усердіе. Онъ бился у меня въ рукахъ, и скоро вся солома вокругъ меня сдѣлалась красной. Когда онъ пересталъ двигаться, я положила его въ амбаръ, въ ожиданіи, чтобы старая Бибишъ пришла его ощипать.

И смѣялась же она надо мной, когда нашла цыпленка, стоящимъ на лапкахъ посрединѣ вѣялки съ зерномъ. Онъ жадно клевалъ зерна, точно желая, какъ можно скорѣе оправиться отъ вреда, который я ему причинила.

Старая Бибишъ схватила его и, когда рѣзнула ему горло, солома окрасилась гораздо ярче, чѣмъ въ первый разъ.

Въ часы отдыха я взлѣзала на чердакъ, чтобы немного почитать. Я раскрывала книгу наугадъ и, перечитывая ее такимъ образомъ, всегда находила въ ней что-нибудь новое. Я любила эту книгу. Она была для меня все равно, что узникъ, котораго я тайкомъ навѣщала. Я воображала ее себѣ въ образѣ пажы, ожидающаго меня на черной чердачной балкѣ. Разъ, вечеромъ, я совершила съ нимъ чудесное путешествіе.

Закрывъ книгу, я облокотилась на слуховое окно. День почти кончился, и ели казались менѣ зелеными. Солнце погружалось въ бѣлыя облака, которыя круглились маленькими клубами и расползались волокнами, какъ пухъ.

Не зная сама—какъ, я очутилась вдругъ надъ лѣсомъ съ Телемакомъ. Онъ держалъ меня за руку, и наши головы касались голубого неба. Телемакъ ничего не говорилъ, но я знала, что мы отправлялись на солнце.

Снизу меня звала старая Бибишь. Я отлично узнавала ея голосъ, несмотря на разстояніе. Должно быть, она очень разсердилась, что такъ громко кричала. Но мнѣ не было дѣла до ея криковъ. Я видѣла только блестящій пухъ, окружавшій солнце и начавшій расползаться, чтобы пропустить насъ.

Ударъ по рукѣ заставилъ меня свалиться на чердакъ. Старая Бибишь тащила меня отъ слухового окна, приговаривая:

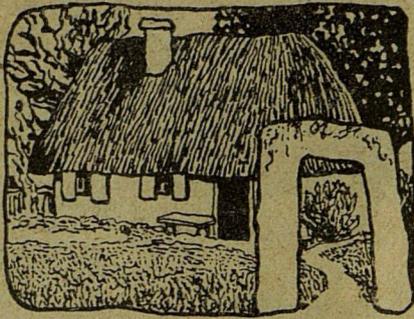
— Ну, есть ли здравый смыслъ въ томъ, чтобы заставлять меня такъ кричать! Цѣлыхъ двадцать разъ зову я тебя ѣсть супъ.

Вскорѣ послѣ этого я не нашла моей книги на балкѣ. Но она такъ и осталась моимъ другомъ, память о которомъ я надолго сохранила въ сердцѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сборщицы оставшихся колосбевъ. Картина Миллэ.

Грибы.

ЕРВЫЙ грибъ появляется раньше всякой травы и цвѣтовъ. Едва сойдетъ снѣгъ и успѣетъ обнажиться земля, какъ на Божій свѣтъ въ хвойномъ лѣсу уже выскакиваетъ коричневая кудрявая шапка сморчка. Онъ еще подъ снѣгомъ началъ расти, а вырасти ему ничего не стоитъ. У него, какъ и у всѣхъ грибовъ, кромѣ ножки - пенечка и шапочки сверху нѣтъ ничего. У гриба нѣтъ ни корней, чтобы высасывать соки изъ земли, ни листьевъ, чтобы вбирать изъ воздуха то, что необходимо растенію.

И явился онъ не изъ сѣмечка, какъ всѣ растенія. Сѣмечко—это довольно мудреная вещь. Въ каждомъ сѣмечкѣ въ крошечномъ видѣ помѣщается и корешокъ, и стебелекъ, и листья. Ничего этого не нужно грибу, и размножается онъ не сѣменами, а спорами. Спора—это мельчайшія зерна или пузырьки со слизистой жидкостью. Онѣ такъ малы, что простымъ глазомъ ихъ въ отдѣльности и не отличить, а когда ихъ очень много, то онѣ похожи на тончайшую пыль. Если раздавить дождевикъ или „чертову перечницу“, то изъ него вылетаетъ темное облачко или дымокъ. Вотъ этотъ дымокъ и есть споры дождевика. Если эту пыль высыпать на столъ и смотрѣть подъ микроскопомъ, то она покажется намъ горошинками.

Споры можно хорошо увидѣть, если зрѣлый бѣлый грибъ, напримѣръ, оставить на ночь на листѣ бѣлой бумаги. Утромъ бумага покроется темнымъ налетомъ—спорами.

У разныхъ грибовъ споры эти помѣщаются различно. У бѣлаго гриба и березовика споры находятся на нижней сторонѣ шляпки въ особыхъ трубочкахъ.

Чѣмъ больше успѣетъ созрѣть грибъ, тѣмъ замѣтнѣе дѣлаются эти трубочки, такъ какъ онѣ, въ концѣ концовъ, открываются и споры изъ нихъ выпадаютъ.

Вотъ почему нижняя сторона шляпки зрѣлыхъ грибовъ имѣетъ такой видъ, точно ее исколоди булавкой.

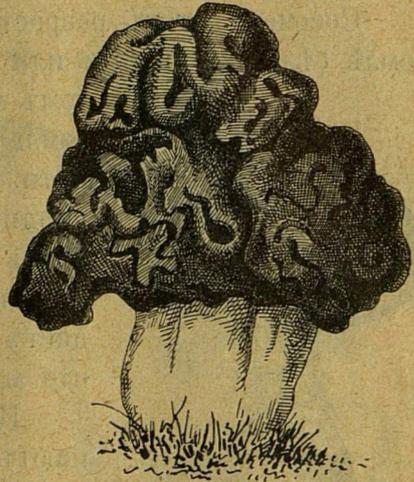
У сморчковъ споры помѣщаются на верхней поверхности шляпки. У дождевика—внутри. У сыроѣжки, мухомора, рыжика—споры по бокамъ.

Вѣтеръ подхватываетъ споры, какъ и сѣмена, и разноситъ ихъ во все стороны.

Теперь, чтобы выросли новые грибы, необходимо только, чтобы споры попали въ ту землю, которая имъ подходитъ.

Грибъ питается всякими растительными остатками и ему нужна почва, богатая перегноемъ. Нужна земля очень рыхлая, очень доступная воздуху, потому что главный ростъ гриба идетъ не надъ землей, а въ землѣ. Необходимы ему и сырость, и теплота, и свѣтъ, только все это должно быть въ мѣру.

Все эти условія можно найти въ лѣсу. Тамъ и перегноя отъ разныхъ вѣтокъ и опадающихъ листьевъ вволю, и тѣни достаточно, и отъ вѣтра и отъ холодовъ тамъ больше защи-

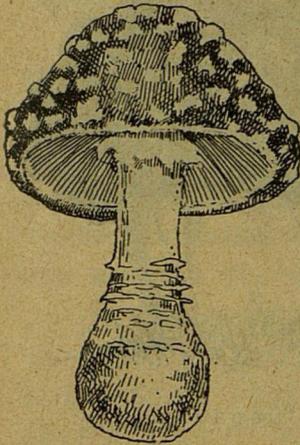

Сморчокъ.

щено, чѣмъ въ другихъ открытыхъ мѣстахъ. Грибу здѣсь сытно, уютно, привольно и удобно.

Попавъ въ такое подходящее мѣсто, спора черезъ нѣкоторое время лопаются и изъ нея выходитъ, въ видѣ бѣлаго сосочка, слизь.

Сосочекъ этотъ разрастается, вѣтвится и разбѣгается въ землѣ бѣлыми нитями или „грибницей“. Если въ лѣсу въ томъ мѣстѣ, гдѣ нашли грибъ, раскопать землю, то можно увидѣть эти бѣлыя нити. У нѣкоторыхъ грибовъ грибница уходитъ на цѣлый аршинъ въ землю. Здѣсь въ землѣ грибница развивается и растетъ и, когда окончательно созрѣетъ, даетъ плодъ. Этотъ плодъ и есть то, что мы называемъ грибомъ.

Мухоморъ.

Иногда послѣ дождя грибы высыпаютъ толпами. Это оттого, что дождь сразу ускорилъ созрѣваніе грибницы. Точно дерево, развертывающее листья изъ готовыхъ уже почекъ, грибница принесла плоды. Изъ мягкой, хорошо

промоченной земли грибамъ вылѣзть ничего не стоило, и по всему лѣсу разбросались красныя, оранжевыя, бурныя, коричневыя, зеленыя, пестрыя, розовыя, лиловыя шапочки.

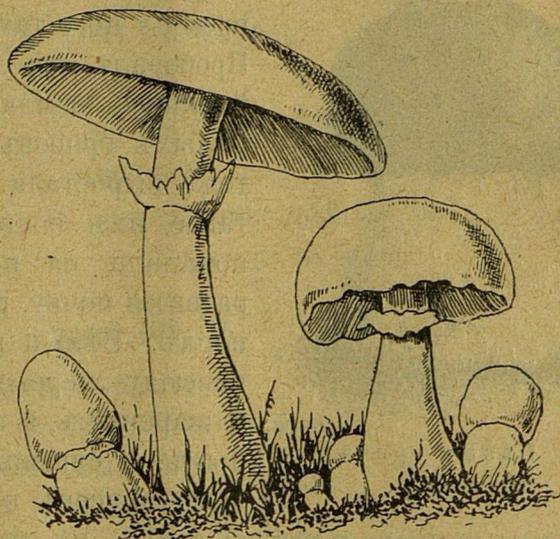
Такой, выскочившій изъ земли, грибъ растетъ очень быстро, особенно ночью и раннимъ утромъ. Жизнь грибная—очень недолгая, но всетаки нѣкоторые изъ нихъ живутъ больше, другіе меньше. Березовикъ, на примѣръ, въ два или три дня уже бываетъ совсѣмъ готовъ: шапка съ блюдечко, а подъ шапкой вся мякоть въ дырочкахъ. У него и споры созрѣли и даже вывалились. И въ пищу онъ не годится. Старъ,

а къ тому же еще обыкновенно маленькія мушки успѣли уже нанести на него яички, и онъ весь проточенъ червяками. Червивыхъ грибовъ никто не беретъ. И это очень хорошо, что не берутъ. Такіе грибы, оставшіеся на мѣстахъ, здѣсь же и сгниваютъ и прекрасно удобряютъ землю, не только для своихъ потомковъ, но и для другихъ растеній, около которыхъ они ютятся. Даже такимъ, по сравненію съ ними великанамъ, какъ деревья, эти сгнивающие на мѣстѣ грибы приносятъ большую пользу.

Сыроѣжка, какъ и березовикъ, поспѣваетъ дня въ 2—3. Бѣлые грибы держатся съ недѣлю.

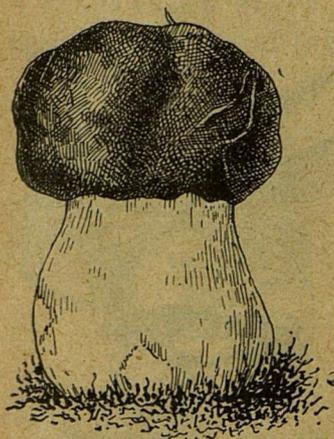
У каждаго гриба свое любимое мѣсто и свое время, когда они рождаются.

Первый грибъ, какъ мы уже говорили, это сморчокъ. Онъ любитъ песчаную почву и хвойный лѣсъ. Вмѣстѣ со сморчками появляются шампиньоны. Грибу этому необходимъ конскій навозъ, и потому онъ появляется вездѣ, гдѣ побывали лошади: растетъ и въ лѣсу, и въ поляхъ, и въ садахъ, и при большихъ дорогахъ, и даже во дворахъ возлѣ конюшенъ. Бѣлый грибъ или боровикъ появляется въ іюнѣ и водится до сентября. Онъ любитъ сосновый лѣсъ, но попадаетъ и въ сухомъ березнякѣ съ примѣсью елей, и въ паркѣ подъ

ШАМПИНЬОНЫ.

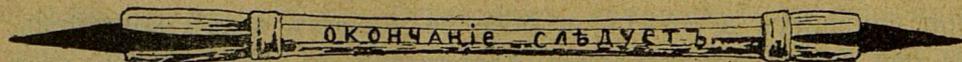
старыми березами. О бѣломъ грибѣ говорятъ, что его даже можно разводить въ подходящемъ для него мѣстѣ. Одинъ любитель грибовъ бралъ старые бѣлые грибы, клалъ ихъ въ ведро съ водой, долго размѣшивалъ ихъ тамъ палкой и по-

Бѣлый грибъ.

томъ этой водой поливалъ землю подъ старыми березами. Черезъ нѣкоторое время у него тамъ появлялись боровики. Пробовалъ онъ также бросать въ подходящую землю нижнія части ножекъ бѣлыхъ грибовъ и отъ этого у него тоже выросли боровики. Объясняется такое ихъ появленіе тѣмъ, что споры попадали на подходящую для своего развитія почву, развивались и приносили плодъ. Бѣлый грибъ считается у насъ повсюду „первымъ“ грибомъ. Его ѣдятъ и жаренымъ, и печенымъ, и маринованнымъ, и сушенымъ. Говорятъ, что онъ даже вкусенъ въ сыромъ видѣ, если его

только немного посыпать солью. Но людямъ ѣсть его сырымъ, конечно, особенной нужды нѣтъ. Уничтожаетъ сырымъ боровики скотъ. Коровы, овцы и козы очень любятъ бѣлые грибы. Лакомятся ими даже и бѣлки. Вотъ почему въ мѣстахъ возлѣ пастбищъ бѣлыхъ грибовъ обыкновенно попадаетъ очень мало. Скотъ выѣдаетъ ихъ, какъ только они выскакиваютъ изъ земли.

Ахъ, эти взрослые!

— Гдѣ ставить „е“? гдѣ ставить
„ѣ“?

Два изъ поля какъ вычитать?
Пишу то медленно, то шибко,—
Всегда ошибка!

А взрослые твердятъ: „Дитя,
Живешь ты радостно, шутя,
И веселѣе школьныхъ лѣтъ
На свѣтѣ нѣтъ“!

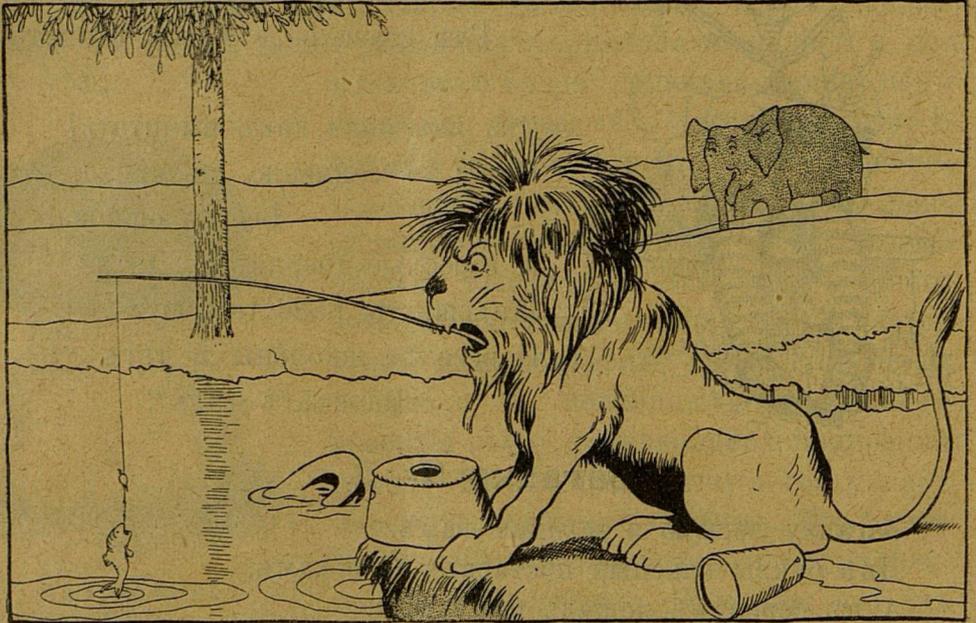
Загадка № 2.

Загадку легкую я загадаю вамъ:
Двѣ буквы гласныя поставьте по бокамъ,
А въ серединѣ лошадь помѣстите.
Потомъ подальше на востокъ глядите,
И вотъ вдали, съ горами, съ островами
Вдругъ государство явится предъ вами.

Загадка № 3.

Я великій чародѣй:
Для большихъ, и для дѣтей
Много сказокъ у меня.
Не люблю сіянья дня,
Но готовъ и днемъ притти,
Чтобъ здоровье принести.
Еслижъ букву вы мнѣ лишнюю дадите,
То въ животное мгновенно превратите.

Что может случиться, если спутать порядокъ
кушаній.

Левъ (Проглотивъ негра, удившаго рыбу).

Преглупое мое, признаться, положенье!

И даже не могу ни на кого рычать:

Самъ виноватъ: забылъ людей обыкновенье

Не съ мяса чернаго, а съ рыбы начинать.

**Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 10-мъ и
11-мъ № №.**

Рѣшеніе ребуса № 4—Молчанъ собака изподтишка хватаетъ.

Рѣшеніе шарады № 9—Пол-оса.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низших учебных заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи*.

Соловьева П. С. „Елена“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ папкѣ 65 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведений.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Соловьева П. С. „Семилѣтня“. Народныя сказки. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено* въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-ка!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Березины именины“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.

Соловьева П. С. „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. „Няня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.

Шапиръ Н. Л. „Люди и звѣри“. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Франсъ Анатоль. „Пчела“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-ье. Цѣна 25 к.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія *допущено* въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведений

Новыя изданія „Тропинки“.

Егоровъ Л. Н. „Исторія воздухоплаванія.“ Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Манаскина Н. И. „Овсянки“. Пять рассказовъ для дѣтей. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Соловьева П. С. „Жизнь Хитролица“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Въ стихахъ. Съ 170-ю рисунками Рабье. Цѣна въ обложкѣ 1 р. 70 к., въ папкѣ 2 р.

Соловьева П. С. „Царевна Земляничка.“ Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. „Новый годъ“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 к.

Шедеръ Е. I. „Пушкинскіе уголки“. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ, если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 г.

на иллюстрированный детский журналъ

6-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нп.
въ годъ.

Журналъ выходитъ **1 и 15** каждого мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, путешествія, биографіи, историческія статьи, стихи, театральныя пьесы, научныя статьи, вѣсти отовсюду, юмористическіе рассказы и стихи, смѣшныя картинки, ребусы, шарады и загадки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ

3 руб.

съ пересылкой и доставкой

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1910 гг.

Комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. все разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Въ Кіевѣ—въ Педагогическомъ книжномъ магазинѣ Пенкина. Владимірская, 53, противъ городск. театра. Тамъ же складъ изданій журнала „Тропинка“.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ 497—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Ж. Манасеина.*

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается **20 коп.**, а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается **40 коп.** До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.